

В. П. Авенариус

**Книга былин. Свод
избранных образцов Русской
народной эпической поэзии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. П. Авенариус
В11 Книга былин. Свод избранных образцов Русской народной эпической поэзии / В. П. Авенариус – М.: Книга по Требованию, 2024. – 388 с.

ISBN 978-5-517-83577-2

«Книга былин. Свод избранных образцов Русской народной эпической поэзии» — это уникальный сборник, который представляет собой настоящее сокровище русской литературы. Книга содержит избранные образцы русской народной эпической поэзии - сказок и былин, которые рассказывают о подвигах знаменитых русских богатырей.

Читатели найдут в книге широкий выбор былин о богатырях, таких как Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович и другие. Каждая былина описывает удивительные подвиги и приключения героев, которые стали символами мужества, силы и бесстрашия.

В книге также содержатся комментарии и объяснения, которые помогают понять исторический и культурный контекст. Это позволяет читателю глубже погрузиться в мир русских богатырей и лучше понять их культурное значение.

Книга былин — не только ценный источник информации о русской литературе, но и увлекательное чтение для всех, кто интересуется историей и культурой России. Эта книга обязательна к прочтению для всех, кто хочет узнать больше о русских былинах и богатырях.

ISBN 978-5-517-83577-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Введеніе къ былинамъ	IX

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ:

I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	12
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	23
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	27
V. первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ .	36
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	41
VII. Ставѣръ Годиновичъ и Василиса Микулична	49
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	60
IX. Исцѣленіе Ильи Муромца	71
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	77
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.)	93
XII. Святогоръ	101
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	105
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	109
XV. Илья Муромецъ и Идолище	114
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	121
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	130
XVIII. Чурила Плёнковичъ (съ карт.)	148
XIX. Дюкъ Степановичъ	156
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.)	178
XXI. Михайло Потыкъ	190
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	198
XXIII. Три поѣздочки Ильи Муромца (съ карт.)	209
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	217

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ:

I. Молодость Васи́лія Буслаева (съ карт.)	223
II. Смерть Васи́лія Буслаева	239
III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ	243
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.)	249

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ:

I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ	259
II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ (съ карт.)	260
III. Ермакъ, покоритель Сибири	266
IV. Царевичъ Дмитрій и Борисъ Годуновъ	270
V. Гришка Отрепьевъ и Марипа Мнишекъ	271
VI. Смерть Стеньки Разина	274
VII. Азовъ	279
VIII. Плачь войска по Петрѣ	277

БЫЛИНЫ ВЕЗЪИМЯННЫЯ:

I. О добромъ мѣлодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ	281
II. Татарскій полонъ	284
III. О Горюшкѣ (съ карт.)	286
IV. «Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море...»	287
Примѣчанія къ былинамъ	III
Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ	XXXI
Отзывъ печати о «Книгѣ былинъ»	XIII

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность—все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разговоръ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи—безъ „*рапсода*“ (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсенъ, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіи столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсода твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ,—смѣтливый рассказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, причемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину,

смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то-же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжіи стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачныя обороты сохраняются вѣками: въ варіантахъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы варіантовъ тѣхъ-же пѣсень, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной рассказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опоэтизированная *исторія* народа, рассказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „*былинъ*“ (рассказъ о *быломъ*), а также „*старинъ*“ (рассказъ о *старинѣ*) или просто „пѣсень“ *). Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до-владимірской эпохи, такъ-называемыхъ „*старшихъ*“ богатыряхъ, 2) *киевскій* или *владимировъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о „старшихъ“ богатыряхъ, относительно происхожденія которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанію

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былевого творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—«Слово о Полку Игоревѣ», которое, рассказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и въ некоторомъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

своему близко къ слѣдующему затѣмъ былевому кругу—о „младшихъ“, владиміровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ „старшихъ“ богатырей, *Сухманъ*, даже прямо находится при князѣ Владимірѣ; двое, *Святогоръ* и *Самсонъ*, попадаютъ (въ двухъ разныхъ былинахъ) кіевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дочери четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настася Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя кіевскими богатырями (Ставромъ Гоудиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ, былины о „старшихъ“ богатыряхъ, если нѣсколько и предшествуютъ „владимірову“ циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней кіевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть разсматриваемы и какъ часть кіевского эпоса.

Кругъ былинь, относящихся собственно къ *кіевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчательнень. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владиміра стольно-кіевского“, т.-е. *Владиміра Святаго* (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центрального солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху міроздаія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „гридня“, подобно римскому форуму,—свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ „полуторапудовыхъ“ чашъ, подъ звуки „яровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кіевского общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса—объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсѣявшаго лежавшій доголѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно

самую свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долготнаго гнета азіятскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ — Дмитрія Донскаго, Ермака — безсознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т.-е. того именно цвѣтущаго періода ея, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующіе за отчизну, за вѣру, „за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей“; это, вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удалства или для личной своей пользы. Но удалство ихъ все-же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древняго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удалцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ „славномъ Великомъ Новѣ-городѣ“, кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массами всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ бы выказать свою удалъ и гдѣ бы поживиться на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человекъ, чтобы слотить эту вольницу около себя въ непреборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человекъ — *Василій Буслаевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недюжиннымъ для того времени образованіемъ (умѣть читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно, что ему съ его молодецкой дружиной удается сдѣлаться грозой цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы, однако, выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря — изъ богатаго, степеннаго купечества. И *Василій Буслаевъ* воюетъ уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кievскіе, а просто-на-просто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью тележною; *Садко* же, богатырь купеческій, борется хоть и не дубѣмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта—община торговая, необходимая ему, какъ охранныя стража при его

кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торговаго гостя*. Былинь о Василю Буслаевѣ и Садкѣ-купцѣ записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4-мъ отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на cadaго удалца. Кромѣ Василя Буслаева и Садки-купца, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *гость Терентьище*; но былина о послѣднемъ—шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинь изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кievскаго и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былинку о *Суровицѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому* или Азовскому морю); но былина эта, описывающая борьбу Суровца-Суздальца съ татарскимъ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ Курбановичемъ, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что на долго, на цѣлые вѣка заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ. Но эти такъ-называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почитаться даже особымъ цикломъ, а по содержанію и складу своему на столько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ середины XVI вѣка, народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 г.г.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера головою выше своихъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско-петровскія*, какъ и примыкающія къ нимъ *казачкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти, и по духу, и по формѣ своей, уже значительно разнятся отъ пѣсенъ древней Руси—кievскихъ и новгородскихъ. Тамъ, при могучихъ фантастическихъ образахъ, рассказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ-бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ—краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задушевная, элегическая нота, которая, чѣмъ ближе къ нашему

времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то-же время все чаще падаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ дѣтонисей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты до-петровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ: памятуется въ ней царевичъ *Димитрій Угличскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепьевъ* и *Тушинскій воръ*, *Михайло Скопинъ*, *Василій Шуйскій* и *Проконъ Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и князь *Пожарскій*. Но истинно поэтической элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I*, народное вдохновеніе какъ-бы на время окрыляется. Энергическій, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаютъ въ памяти народной незабытаго еще вполне въ теченіи ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ „выводилъ измѣну изъ Москвы“; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ тѣмъ, „петровскія“ пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, причемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, князь *Долгоруки*, *Семень Палій* и *Иванъ Краснощекоевъ*, донцы *Флоръ Миняевичъ*, *Сенька Маноцкій* и *Некрасовъ*, *шведскій король*, *Мазепа*, *Шлиттенбахъ* и *Лѣвенгауптъ*. Не говоря, однакожь, уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ реформахъ народное творчество вполне умалчиваетъ (единственный намекъ на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ тѣмахъ полѣтъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ „петровскихъ“ былинъ, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирический, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Съ смертію Петра умолкаетъ навсегда и настоящая быле-